

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А – Г. М.: Международные отношения, 1995. 584 с.

1995 год оказался в России "урожайным" на словари, посвященные славянской традиционной культуре, в частности – мифологии. Назовем здесь два петербургских издания, популярный характер которых не умаляет их научной ценности – "Русский демонологический словарь" Т. Новичковой и "Новую АБЕВЕГУ русских суеверий" М. Власовой, а также московский энциклопедический словарь "Славянская мифология", подготовленный сотрудниками Института славяноведения и балканистики. Увенчал этот ряд первый том словаря "Славянские древности" под редакцией академика Н.И. Толстого, ушедшего, к сожалению, спустя год из жизни. Словарь создан постоянным авторским коллективом в таком составе: Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, А.В. Гура, Г.И. Кабакова, Е.Е. Левкиевская, А.А. Плотникова, О.А. Терновская, С.М. Толстая, Н.И. Толстой, В.В. Усачева. Статьи для первого тома писали также: Э.Г. Азимов, Н.Е. Афанасьева, О.В. Белова, Е.Э. Будовская, С.П. Бушкевич, М.М. Валенцова, А.Ф. Журавлев, Э.И. Зеленина, Л.С. Лаврентьева, И.А. Морозов, Л.В. Мошкова, Л.Г. Невская, М.Р. Павлова, Б.Н. Путилов, О.В. Санникова, И.А. Седакова, Л.А. Софронова, А.Б. Страхов, А.Л. Топорков, В.Н. Топоров, А.А. Турилов. Читатель, интересующийся проблемами лингвистики, фольклористики, этнографии, мифологии, найдет в этом списке немало известных имен.

Словарь представляет собой действительно монументальное издание. Его первый том состоит из вводной статьи Н.И. и С.М. Толстых, заметки о пользовании словарем, пространной библиографии, насчитывающей около 1200 наименований плюс 135 лингвистических словарей и атласов и множество литературы, упомянутой в при-

статейных библиографиях и не вошедшей в основной список, списка сокращений, девятнадцати карт, демонстрирующих диалектное и этнокультурное членение славянского мира, свыше 220 статей (А – Г), обнимающих практически все основные сферы традиционной духовной культуры славянских народов, списка иллюстраций. Широта и глубина замысла и обстоятельная тщательность его воплощения позволяют согласиться с тезисом Н.И. и С.М. Толстых о том, что словарь "подводит итог более чем вековому изучению славянского фольклора, мифологии, этнографии, народного искусства" (с. 5).

Идея создания словаря такого рода не была совершенной новостью для науки, о чем сказано во вступительной статье (с. 6). Там же названы его основные предшественники и аналоги. Из них особо следует выделить десяти томный "Настольный словарь немецких народных поверий" (Handwörterbuch des deutsch Aberglaubens. Herausgegeben von H. Bächtold-Stäubli, E. Hofman-Krayer. Bd. 1–10. Berlin; Leipzig, 1927–1942), который высоко ценил Н.И. Толстой. Замысел собственного словаря возник у редактора, очевидно, достаточно давно. Еще в марте 1978 г. в докладе на конференции "Итоги и перспективы славяноведческих и балканских исследований: вопросы координации" Н.И. Толстой назвал среди ближайших задач коллектива группы этнолингвистики и славянских древностей Института славяноведения и балканистики создание "Атласа духовной культуры Полесья", а в перспективе и Карпат, а также "словаря славянских духовных древностей (в двух томах: I – от праславянского к индоевропейскому; II – от современных славянских к праславянскому)" [Толстой 1979: 20]. В течение пяти после-

дующих лет этот замысел претерпел значительную эволюцию, итоги которой представлены в докладе Н.И. и С.М. Толстых на IX Международном съезде славистов в Киеве (см. [Толстые 1983б]) и проспекте будущего словаря, вышедшем отдельной книжкой [Этнолингвистический словарь... 1984].

Концепция словаря сформировалась на фоне весьма активных в 60-е – 70-е годы у нас исследований в области реконструкции славянской (балтийской, балканской и др.) традиционной духовной культуры. Инициаторами и исполнителями этих работ были преимущественно филологи, для которых они стали естественным продолжением попыток выработать методы реконструкции семантики древних языковых единиц – от морфем до целых текстов. Зачастую такая реконструкция сталкивалась с затруднениями, преодоление которых требовало выхода за пределы естественного языка, в сферы других культурных кодов. На фоне общего распространения семиотических идей богатый арсенал лингвистических методов стал при этом, как это предсказывал еще де Соссюр, переноситься на исследования других областей народной духовной культуры. Среди сторонников и пропагандистов этой "лингвистической экспансии" были Н.И. и С.М. Толстые. Впрочем, сам Н.И. Толстой подчеркивал, что переносимые методы во многих случаях «называются "лингвистическими" главным образом или лишь потому, что они впервые или ярче всего были применены в науке о языке или даже в каком-то из ее разделов». По сути дела они относятся "не к чисто лингвистическому, а к логическому или семиотическому аппарату, и в этом и ценность этой методики для лингвистики, так как она не изолирует науку о языке, а вводит ее в более широкий круг научных дисциплин" [Толстой 1983: 182].

Полем, на котором разворачивалась указанная экспансия, стала пограничная дисциплина, сформировавшаяся на стыке лингвистики (в частности, диалектологии), этнографии (из недр которой некогда диалектология вышла), фольклористики, теории народного искусства. Она получила название славянской этнолингвистики (откуда соответствующий термин в подзаголовке словаря). Н.И. и С.М. Толстые не раз подчеркивали, что термин этот не нов. Среди родоначальников этнолингвистики обычно называют двух знаменитых американских ученых – этнографа Ф. Боаса и лингвиста Э. Сепира (см. [Толстой 1995: 28–29]), но речь, как кажется, скорее идет об

истории термина, чем самой дисциплины в ее отечественном варианте. Сами Н.И. и С.М. Толстые заметили в свое время, что "недостаток этого термина в том, что он ассоциируется прежде всего с одним из направлений американской лингвистики и этнографии, связанным с именами Ф. Боаса, Э. Сепира, позднее Б. Уорфа. Вместе с тем он удачно передает идею синтеза языкознания и этнографии в изучении культуры" [Толстые 1983а: 65]. Н.И. Толстой отмечал, что "Э. Сепир и Б. Уорф придали этнолингвистике тот характер, который она в общем языкознании сохраняет по сей день. Этнолингвистические идеи и методы применяются почти исключительно к языкам и социумам с бесписьменной традицией или к современным языковым процессам и социумам без оглядки на их историческое развитие. Общеязыковедческая и синхронно-лингвистическая направленность в значительной мере ограничивают возможности разработки и применения этнолингвистической методики в научных исследованиях и делают саму этнолингвистику периферийной, факультативной дисциплиной в языкознании" [Толстой 1995: 29]. Заметим, что в настоящее время в США эта дисциплина фактически распалась на несколько более частных, а сам термин почти не употребляется, немногим лучше его судьба во Франции (см. [Кабакова 1993]). На отечественной же почве термин утвердился, главным образом, благодаря работам Н.И. Толстого, провозгласившего "обращение этнолингвистики к историческим, историко-генетическим проблемам и задачам, к диахроническому плану исследований..." [Толстой 1995: 29].

Для Н.И. Толстого "этнолингвистика есть раздел языкознания или – шире – направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции" [Толстой 1995: 27]. В той же работе он говорит об этнолингвистике в широком и суженном понимании. В первом случае она "включает в себя диалектологию, язык фольклора и часть истории языка, связанную с исторической диалектологией и культурной и этнической историей народа, наконец, почти все аспекты изучения языка как социального явления" [Толстой 1995: 32]. В узком смысле этнолингвистика – отрасль языкознания, "которая ставит и решает проблемы языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета,

языка и мифологии и т.п." [Толстой 1995: 34]. Во всех этих вариантах центральной оказывается проблематика соотношения языка и семиотически понимаемой культуры, причем с явным акцентом на культуре традиционной и диахроническом рассмотрении.

Изучение указанного круга проблем возможно вообще по нескольким направлениям. Пытаясь дифференцировать ряд терминов, часто употребляемых как синонимические, польский лингвист Януш Анушевич определяет эти пути следующим образом: **культурная лингвистика** изучает связи между языком и культурой, причем язык трактуется как предварительное условие, импликатор, составная часть, резервуар, "приводной ремень", а также интерпретатор и интерпретант, заключающий в себе наиболее существенные ее смыслы. Направление исследования культурной лингвистики: язык – культура – человек (общество) – действительность. **Антропологическая лингвистика** или **этнолингвистика** изучает связи и зависимости между языком и человеком (обществом), а также культурой и действительностью, которые его окружают. Это наука о человеке, увиденном сквозь призму языка, творящем язык, человеке, чей образ сохранен в языке. Она исследует отношение язык – человек (общество) – действительность – культура. Наименование этой дисциплины этнолингвистикой, по мнению Анушевича, лишь отчасти обоснованно, поскольку этнолингвистика (во всяком случае, в той ее традиции, которая сложилась в Польше и, добавим, в СССР) занимается исследованием связей преимущественно между народным (простонародным, крестьянским) языком и народной культурой (фольклором). Наконец, **лингвистическая антропология** изучает связи между культурой, языком и данным обществом, имея в качестве исходной точки не язык, а культуру [Anusiewicz 1995: 10–11]. Представляется, что понятие этнолингвистики в работах Н.И. Толстого в той или иной степени включает в себя все эти понимания, к которым следует добавить также упоминавшееся изучение кодов (символических языков) традиционной культуры лингвистическими (общесемиотическими) методами на базе идеи о корреляции и зачастую структурном изоморфизме языка и культуры. В последнем случае речь идет в сущности о "славянской семиологии" (семиотике), которая "призвана определить набор семиологических средств и символов

в славянской культурной сфере, их соотношение и систему, их общность для славянского мира и их локальные различия (диалектность)" [Толстой 1995: 25–26]. Именно эти задачи на материале традиционных культур славянских народов и с постоянным учетом необходимости установления системных отношений между этими культурами, а затем – реконструкции путей былого развития и прасостояний системы, решает монументальный словарь, вышедший с привычным уже для нас подзаголовком "этнолингвистический". Подлинным объектом толкования в нем являются не слова и не реалии в широком смысле (предметы и явления внешнего мира, лица, действия, растения, животные, их свойства и отношения) «и не их ментальные корреляты (концепты, понятия, образы), а соответствующие им з н а к и языка культуры в целом (в единстве их "реальной" формы и символического содержания)» (с. 8).

Итак, Словарь изначально понимался редактором как один из столпов глобального предприятия реконструкции духовной культуры праславян, славянского "прасуществования" в связи с проблемами этно- и глоттогенеза. Вторым столпом был Атлас, что вполне естественно в свете неоднократно подчеркнутой Н.И. Толстым установки на описание и анализ славянских древностей в ареалогическом, "диалектологическом" аспекте (с вычерчиванием соответствующих изоглосс, изодокс и изопрагм). Вопрос создания общеславянского атласа, естественно, не поднимался как невыполнимый – и из-за недостаточности и необработанности имеющегося в распоряжении науки материала, и просто по малости сил достаточно узкой группы единомышленников. Но много лет велась работа над Полесским этнолингвистическим атласом [Толстые 1983а] на базе материалов многолетних экспедиций Института славяноведения и балканистики, причем высказывалась идея создания в пару к нему словаря языковых и культурных древностей Полесья. Серия подобных частных толково-функциональных словарей и соответствующих атласов, описывающих хотя бы наиболее архаические зоны Славии, будь она создана, смогла бы стать реальной базой для решения поставленной задачи реконструкции славянской духовной культуры. Словаря для этого, конечно, недостаточно. Объем его все же ограничен (хотя только первый том имеет объем без малого 47,5 печатных листов), а материал необъятен. Потому во вводной статье словарь определен как "словарь-указатель, опреде-

ляющий лишь сферу функционирования и основные культурные контексты выделенных единиц" (с. 7), "с элементами толково-функционального словаря" (с. 8). И хотя отмечается, что "все, что можно сделать в направлении реконструкции праславянских форм, семантики и символики толкуемых культурных фактов на почве собственно славянской, то есть методом внутренней реконструкции, авторы старались отразить в словаре" (с. 8), читая словарь, нетрудно забыть об этой его сверхзадаче. И напрасно, ибо концепцией и содержанием словарь обязан именно ей. Н.И. и С.М. Толстые не раз подчеркивали важность реконструкции праславянского состояния духовной культуры. Такая реконструкция, по их мнению, могла бы сыграть в исследовании славянских духовных древностей и культуры роль не меньшую, чем реконструкция праславянского языка в истории славянского языкознания (см. [Толстые 1983б; 215; Теоретические проблемы... 1984: 74]). Но при этом редактор словаря центр тяжести работы перенес на внутреннюю реконструкцию, считая, что, пока не выполнена кропотливая работа сопоставления и анализа внутриславянских данных, обращение к внешней реконструкции, привлекающей свидетельства других индоевропейских и иных традиций, хотя и может дать в силу значительной степени архаичности славянских культурных форм определенные результаты, но по сути ненадежно и преждевременно [Толстые 1983б: 215–216]. Здесь можно усмотреть полемическую направленность против предпринятых в 60-е – 70-е годы более или менее успешных попыток реконструировать существенные фрагменты древнеславянской духовной культуры, прежде всего мифологии, с широким привлечением инокультурных параллелей. Не место в данной заметке входить в подробности разногласий научных направлений. Заметим только, что создание и воплощение проекта фундаментального энциклопедического словаря общеславянской значимости – прекрасный способ аргументации в споре.

Не следует также упускать из виду, что, хотя авторы словарных статей преимущественно не строят предположений о форме тех или иных праславянских реалий и содержании соответствующих концептов, сам словник, опубликованный еще в проспекте словаря, и, по нашим наблюдениям, касающимся первого тома, претерпевший не столь уж большие изменения в окончательной редакции, преимущественно за счет расширения агнионимической части, являет

собой определенную гипотезу, шаг в плане такой реконструкции.

Еще в 1978 г. Н.И. и С.М. Толстые высказывали понимание реконструкции не только как восстановления исходной прформы или прасостояния, но и как любого приближения к ним, возможность и глубина которого зависят от степени исследованности и полноты материала и по мере изучения меняются [Толстые 1978: 356]. Последовательно распространяя на материал народной культуры "лингвистические" методы и понятия, они отмечали позднее, что "всякая реконструированная прасистема выполняет, во-первых, функцию системы соответствий между развившимися на ее основе позднейшими этнокультурными феноменами, а во-вторых, дает в том или ином приближении картину реального прасостояния (в данном случае – состояния праславянской духовной культуры). При реконструкции абстрактного типа задача сводится к восстановлению инварианта из множества вариантов и последующей его типологической и исторической оценке в качестве эвентуальной праязыковой модели и ее необходимой коррекции" [Теоретические проблемы... 1984: 74]. Системой таких инвариантов, составляющей костяк парадигматики совокупности кодов традиционной славянской культуры, и оказывается словник словаря (исключая, конечно, обзорные статьи типа "Астрономия народная", "Ветеринария народная" и др.), а тексты статей, описывающие зафиксированные в источниках множества вариантов – рефлексов реконструируемых архетипов, как бы аргументируют в пользу именно такой – теперь уже не априорной – реконструкции набора ключевых инвариантных понятий.

Более того, Н.И. Толстой неоднократно замечал, что аксиоматичное уже в лингвистике представление о диалектной системе языка как развернутой в пространстве диахронии его развития вполне относится и к народной культуре – в силу существенной неравномерности ее изменений по разным регионам. Потому последовательное указывание национальной (и по возможности – региональной) отнесенности данных в словарных статьях позволяет хотя бы в идеале говорить о шагах к восстановлению не только прасистемы, но и путей ее эволюции, а реконструируемые факты распределять в "пространстве времени" от системы, принимаемой за исходную, до конечных культурных идиомов [Теоретические проблемы... 1984: 74]. К сожалению, ограниченность объема

словаря при глобальности замысла не позволила с необходимой точностью отразить в нем именно этот — диалектологический аспект проблемы. По сравнению с проспектом он даже менее выражен, в частности, опущены карты, которые предполагалось приложить к статьям. Впрочем, в рамках словарного жанра детальное картографирование рассматриваемых явлений и невозможно; это — задача атласа, а точнее их большой серии, о которой мы уже говорили. К сожалению, о такой серии приходится только мечтать.

Мы не раз упомянули проспект словаря, вышедший в 1984 г. Сравнение с ним окончательного текста интересно с точки зрения наблюдения эволюции замысла и его исполнения. К сожалению, сейчас прямо сопоставить два варианта возможно только для одной статьи проспекта — "Борода", принадлежащей О.А. Терновской (прочие статьи остались за пределами первого тома, ограниченного четырьмя буквами). Сравнение производит поразительное впечатление: перед нами фактически новый текст. Он значительно сокращен, некоторые места сохранены, но большая часть переработана до неузнаваемости и перекомпонована. Перед нами, очевидно, свидетельство многолетней работы над текстом, который, видимо, прошел через стадии нескольких промежуточных вариантов. Обнаруживается и определенная эволюция в подходе к материалу. В окончательной редакции статьи, как и указано во вводной части словаря, принято направление от "формы" к смыслу и функции, то есть реалии (а точнее, как уже указывалось, соответствующие им культурные знаки) в нем являются "объектом толкования, их названия — компонентом формальной характеристики, а семантика и функции — компонентом содержательной дефиниции" (с. 8). В первоначальном варианте, базирующемся в принципе на тех же основаниях, исходной точкой мыслится все же **лексема** (**horda*) и речь идет о ее **семантике** и предметных соответствиях в разных славянских традициях. Заметен, таким образом, некоторый дрейф по направлению от лингвистики (этнолингвистики) к этнографии (этносемиотике), что, учитывая цель и задачи энциклопедического словаря славянских древностей, естественно и закономерно. Впрочем, не забудем, что наши наблюдения основаны на сопоставлении редакций только одной словарной статьи.

В заключение выскажем надежду, что создание и издание словаря славянских древностей будет доведено до конца. Ни уход из жизни Н.И. Толстого, ни понятные объективные трудности нашего времени и субъективные обстоятельства авторов (многие из которых за полтора десятка лет работы над словарем стали известными учеными с собственными интересами и проектами) не должны помешать завершению Словаря, который должен стать не только новым этапом в изучении традиционной духовной культуры Славии, но и лучшим памятником своему редактору.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кабакова Г.И. 1993 — Этнолингвистика во Франции // ВЯ. 1993. № 6.
- Теоретические проблемы... 1984 — Теоретические проблемы реконструкции древнейшей славянской духовной культуры. Ответы на вопросы // СЭ. 1984. № 4.
- Толстой Н.И. 1979 — Этногенетический аспект исследований древней славянской духовной культуры // Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы исследований. М., 1979.
- Толстой Н.И. 1983 — О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л., 1983.
- Толстой Н.И. 1995 — Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Толстые Н.И. и С.М. 1978 — К реконструкции древнеславянской духовной культуры (лингво-этнографический аспект) // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Докл. сов. делегации. М., 1978.
- Толстые Н.И. и С.М. 1983а — О задачах этнолингвистического изучения Полесья // Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М., 1983.
- Толстые Н.И. и С.М. 1983б — Принципы, задачи и возможности составления этнолингвистического словаря славянских древностей // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Докл. сов. делегации. М., 1983.
- Этнолингвистический словарь... 1984 — Этнолингвистический словарь славянских древностей. Проект словника. Предварительные материалы. М., 1984.
- Anvsiewicz J. 1995 — Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki. Wrocław, 1995.

А.В. Юдин